

Начинающего художника
понимают лишь несколько человек.
Знаменитого — ещё меньше.

Пабло Пикассо.

Можно было сразу снять студию, как только я поступила в Суриковский институт: мать денег для меня не жалела, однако я почему-то сочла, что в общежитии мне будет гораздо интереснее.

Естественно, хватило меня только на год. Было ещё хуже, чем в школе: картины мои иначе, как мазнёй, не называли, всячески издевались над моей внешностью, манерой одеваться. Контакта с соседками по комнате я так и не нашла.

Отец вообще был против того, чтобы я поступила в МГАХИ (Московский государственный академический художественный институт). Он настойчиво уговаривал меня направить свои стопы в Санкт-Петербургский институт им. И. Е. Репина, где он когда-то учился, и всегда вспоминал о том времени с ностальгией. Возил даже меня туда на экскурсию. Была и другая, куда более важная причина: как он и ожидал, приёмная комиссия с ходу забраковала как меня, так и все мои работы. В выражениях не стеснялись — самым популярным было, как вы, естественно, догадались: «На детях гениев природа отдыхает».

Но мой папочка, Олег Анатольевич Софьин, был уже к тому времени известным художником: заседал, состоял, где только возможно, его картины были представлены в лучших музеях не только России, но и мира. Один список его

персональных выставок занимал несколько страниц текста. И я прошла в вожделённый «храм художеств», как нож сквозь масло. Не из упрямства, нет; скорее, от неуверенности в себе. Именно так я привыкла всего, чего мне хотелось в жизни, добиваться.

Ещё я была увлечена фотографией и в погоне за хорошей техникой, которой, как известно, много не бывает, подрабатывала на свадьбах, корпоративных вечеринках, где только могла. Здесь мой талант и авторитет ни у кого сомнений не вызывали.

Всё изменилось, когда меня заметил один наш педагог, Виктор Иванович Савичев. Он сам предложил мне заниматься у него дополнительно, на платной основе. Среди нашего брата-студента такое — обычная практика: если завелись хоть какие-то деньги в кармане, совать свой нос во все дыры, лишь бы подтянуться в мастерстве.

— Хватит пахать, обед! — Лариска была непреклонна. Как она любила говорить в таких случаях: «Мазня мазнёй, а пустое брюхо к работе глухо».

Она отодвинула засов на входной двери, и сразу потянулся народ. Мы совмещали привычное с полезным: включили смартфоны, отвечали на вопросы друзей и знакомых, заедая пустопорожнюю болтовню разнообразной, но исключительно полезной вкусынятиной. К слову, готовить я никогда не умела, да и не любила, и даже больше того — ненавидела. У меня и кухни-то для таких целей предусмотрено не было. Что-нибудь Ларка из дома прихватывала, ну, а ещё каждое утро нам присылали по электронной почте своё меню несколько соседних ресторанов. Пища была малокалорийная, здоровая, всяческого рода фаст-фуд мы категорически отвергали.

Лариска-Барбариска... Своеобразная девочка, я даже не могу вспомнить, как и когда она ко мне прилепилась. Сначала просто зарабатывала на перепродаже моих картин, затем стала устраивать выставки, подыскивать покупателей. Закупала краски, холсты с подрамниками, не расставалась с тряпкой и пылесосом. Трое детей, муж — гражданский лётчик, мать в расцвете сил и даже бабушка. Но денег всё равно не хватало. Что до меня, то я вообще не знаю, как бы я без неё обходилась. Вот и сейчас она сидела за компьютером на пульте, кого-то впускала, кого-то выпускала, что-то продавала, предварительно уточнив у меня стоимость.

Да, я не завершила рассказ о Савичеве. Именно он докопался до истинной моей сущности: если в пейзажах, натюрмортах, церквушках, на которых специализировался мой отец, я так до глубокой старости ничего и не достигла бы, то в портрете и в некоторых направлениях «свободной живописи» (минимализм, поп-арт, нео-поп, «предметная абстракция», гиперреализм) я начала стремительно набирать высоту. Конечно, я держала пока свои новые успехи в тайне, не конфликтовала ни с кем в институте, терпеливо выдержала зубодробильную скукотищу последнего курса и, только получив диплом, развернулась в полную силу, предоставив ненавистникам моей живописи обильную пищу. Враги мои объединились на самых разных уровнях и принялись травить меня, как могли...

Как раз к тому времени умер мой отец. Защитить меня было больше некому. Даже в моей семье начались проблемы: наше материальное положение в связи «с утратой кормильца» резко пошатнулось. «Женское царство» — я, старшая сестра, мамуля — никогда и нигде не работали. Мы просто были командой, которая обслуживала имидж и повседневный быт великого мастера. Денег пока оставалось предостаточно, конечно, и если тратить с умом, их могло ещё хватить надолго, не говоря уже о картинах: папуля был на редкость плодовит, да и трудоголик редкостный. Но мы больше не двигались в гору, а стали медленно, постепенно сползать вниз по склону.

Тут-то я и вынесла свои произведения на суд божий — устроила несколько выставок, на которые сначала никто не пришёл. А потом народ валом повалил. В итоге даже смогла купить себе собственную студию в районе Таганской площади, не удаляясь от столь памятного мне института.

Иногда мы даже выезжали в Европу. Особенно мне полюбилась Италия. Моя мамуля порой всё-таки продавала картины отца, но всегда сначала предлагала их мне, так как знала, что я хоть и отказалась от своей части наследства, всегда накину хоть немного сверх максимума, который ей в таких случаях предлагали. Сама по себе на таком высоком уровне (буквально мировом) особого интереса я, конечно, ни для кого не представляла, но сочетание «отец и дочь Софьины» действовало безотказно. Конечно, времени на таком условном отдыхе я всё равно даром не теряла, но и здесь меня интересовали исключительно люди, сценки (порой уморительные), линии, символы, краски, а отнюдь не красивые виды, пейзажи.

Личная жизнь... В школе я была очень застенчивой. Мальчики были для меня табу. Я совершенно не представляла, как себя вести с ними. И прекрасно понимала, что со своими малопримечательными внешними данными у меня не так уж много шансов вообще осуществить свою мечту: найти работающего любящего мужа, завести с ним пару-тройку ребятишек и жить в любви и покое, занимаясь в то же время без препятствий любимым делом. Но, к сожалению, толп страждущих по мою чистую душу и грешное тело пока не находилось. В последнее время положение, правда, несколько выправилось: некоторых соблазняла моя материальная самодостаточность. Они с удовольствием потратили бы со мной за компанию мои денежки в ресторанах, на дискотеках, в ночных клубах, заграничных поездках. Однако меня совершенно не привлекали ни подобные мальчики, ни замешанный на адреналине и прочих увеселениях столь вожделенный для них образ жизни. Я была типичной рабочей лошадкой. Со мной было скучно до зевоты. Даже в сексе, на который я всё-таки в конце концов решилась, я практиковала чисто мужской эгоизм: никогда не гналась за наслаждением, только за удовлетворением; больше чем на пятнадцать-двадцать минут меня обычно не хватало, и чаще всего после я просто выставляла своего кавалера вон.

Куда больше меня привлекал внутренний мир мужчин: их увлечения, особенности характеров, устремлений, психологии, в чём, признаться, мне очень помогала фотография. В разговорах хомосамцы, как я их иногда называла, чаще всего были однообразны до умопомрачения и очень скоро мне надоедали. Но я старалась терпеть их каждый раз до последне-

го, понимая, что при моей внешности и скудности бытия мне поневоле приходится довольствоваться далеко не первым сортом, а всякого рода неудачниками, комплексушниками, занудами и прочей шушерой. Даже для портретов я предпочитала нанимать натурщиков. Тем не менее прогресс, в сравнении с периодом моей юности, был колоссальный. Жизненный опыт копился, я всё больше обретала уверенность в себе, а чего ещё, собственно, мне было нужно?

Я уж умолчу: а у кого из моих бывших однокашниц, сокурсниц, если разобраться, дело обстояло лучше? По моим наблюдениям, если кому-то и выпадало волшебное чувство, то оно редко находило жизненное применение. Пары создавались, игрались шикарные свадьбы, а через полгода влюблённые расставались при полном равнодушии или даже жгучей ненависти друг к другу.

Иногда, конечно, меня охватывала паника: а что если я так и не встречу свою любовь, долгожданное счастье? Выбор был небольшой: либо до предела снизить планку, либо остаться до конца дней своей старой девой. Что ещё? Завести ребёнка без мужа? Увольте! Как-нибудь без меня.

Две сестры... Вся мамина красота досталась старшенькой, Эльзе. Она долго не выбирала: выскочила замуж за военного, моталась с ним по гарнизонам. Итог — два сына, дочь, муж — полковник, герой России. В высший командный состав не рвался, но Эльза всё-таки уговорила его поступить в Военную академию Генерального штаба Вооружённых Сил Российской Федерации, так что от генеральских погон уклониться теперь супругу её не было никакой возможности.

Я была типичной лягушкой, в царевну так и не превратилась. Природа и в данном случае на мне предпочла слегка вздремнуть. Даже в фигуре: толстушка, хомячок, да ещё хохотушка в придачу. Вроде как без царя в голове. Но стоило мне только рот открыть, как не только у «хомосамцов», но и у вполне интеллигентных особей мужеска пола челюсть отваливалась. С самого детства у меня было только три увлечения: кисти-краски, книги и кино. Потом фото и иностранные языки добавились.

Мать одна не справлялась, так что переезд Эльзы поближе к Москве в связи с кардинальными переменами в карьере её мужа оказался как нельзя более кстати. Нужно было постоянно организовывать выставки папиного творчества, поддерживать дружеские отношения с ЦДХ (Центральным Домом художника) в Москве, любыми другими экспозиционными площадками как у нас в городе, так и по всей Московской области.

Наши отношения с Эльзой... Да никаких. С самого детства я была для неё всего лишь заторможенным, сложным ребёнком, которого она обслуживала и воспитывала по мере сил и возможностей до тех пор, пока сама не вышла замуж. В нашей семье любовь к детям как-то сразу распределилась вроде бы на редкость справедливым образом. Ну, Эльзу, понятно, любили все: одна её красота и умение на свои жалкие гроши вполне сносно одеваться чего стоили. Ну и, конечно, стальной характер и невероятное обаяние.

Моя мама... Ксения Львовна, в девичестве Тропарёва, женщина красоты редкостной. В своё время сразила моего отца буквально с первого взгляда и наповал. И посвятила ему себя всю без остатка. Меня она, как и Эльза, не воспринимала всерьёз, считала недотёпой, даже немного отсталой в развитии.

В свою очередь отец дарил мне ту любовь, которая оставалась от его бесчисленных поездок. Конечно, и его угнетало то упорство, с каким я занималась делом, в котором ни уха ни рыла не смыслила, моя отдалённость, на грани аутизма, в семье, от других ребят и девчонок в школе. Но он был очень набожным человеком, а в таких случаях роптать не положено — всё, что Бог посылает, следует с благодарностью принимать.

Уже в институте я сократила свои поездки в родной город до предела, хотя на электричке до него добираться было максимум три часа. Ну, а уж когда денёжки у меня появились, даже за картинами я Ларису посылала, и не только из-за того, что у неё была машина, а просто при таком количестве народа мне в доме и места-то не было. Успехом моим ни мама, ни Эльза голову себе особо не забивали: считали, что он дутый, временный, в основном построенный на известности моего отца, и когда-нибудь я всё-таки вернусь к родным пенатам. Смешно! Хотя мрачной перспективы потери интереса к моему творчеству я, естественно, не исключала. Жизнь есть жизнь — она, как избушка Бабы-яги из сказки: в любой момент не только передом, но и совсем другим местом может повернуться.

С мамой я регулярно, раз в неделю, общалась вечерами по Скайпу. Как ни странно, нам обеим такого общения вполне хватало.

Лёсик... Собственно, Алексей. Красавец-парень, но сознательно не уделявший должного внимания своей внешности, хотя для усовершенствования в йоге даже в Индию ездил. Я уже полгода с ним встречалась (по словам Ларчика, мой своеобразный личный рекорд), но он до сих пор оставался для меня загадкой. Первое — у него была цель: дожить до ста лет. Причём не чисто формально, а находясь до конца дней своих в здравом уме и твёрдой памяти. Сначала я не воспринимала его бредни всерьёз, но когда он показал мне дорожные карты, которые специально для этой цели вычертил, я поняла, что его устремления вполне реальны и сто лет там не предел. Второе — добродушный, улыбчивый имидж в нём сочетался с несгибаемой силой воли. Третье — он был человеком слова: никогда не опаздывал, не обманывал, даже в мелочах не подводил. Казалось бы, все данные для того, чтобы хоть завтра отправиться под венец. Тем более что впервые в жизни я нашла себе спутника для посещения выставок, перфомансов, экспозиций, вернисажей. И не попку какого-нибудь, а благодарного зрителя, слушателя. Однако Лёсик не только отрицал семью как институт общественной жизни. Он считал, что человек должен быть самодостаточным: жить только для себя, особо не заморачиваясь друзьями, родными, близкими, а уж тем более детьми. Даже с матерью и отцом свёл отношения до предельного минимума. Четвёртое — у него было великолепное гибкое тело, тренированное, но без малейшей дутости накаченности, кожа мягкая, буквально шелковистая. Он даже меня, при всём моём разгильдяйстве, приучил регулярно посещать бассейн, тренажёрный зал, сауну. Ну и, если честно, это был единственный мужчина,

который мог бы в сексе раскрутить меня на полную катушку, но, к счастью, ни ему, ни мне этого совершенно не было нужно.

Так мы и жили, пока среди своих бесчисленных фотографий, которыми в студии были не только обклеены все стены, но и увешаны шторы, я не наткнулась на то лицо.

Сначала я постоянно взглядом всё чаще и чаще к нему возвращалась... Затем оно стало сниться мне по ночам.

Вскоре я начала просыпаться самопроизвольно под утро и напрягать память в тщетных попытках вспомнить, где я подхватила, как вирус, измучивший меня снимок.

Нереально. Просто нереально. В наш век цифры щёлкаешь фотоаппаратом без счёта, чисто на автомате. Какое уж тут: когда, где?

Не менее машинально пропускаешь потом отснятое через фотошоп, затем отбираешь, что именно тебе особенно понравились. Но и дальше, уже в ателье, среди готового материала, пусть по-прежнему на автопилоте, отбор продолжается.

И только придя домой, включаешь на некоторую мощность (ясно, что не на полную) мозги, чтобы решить, где бы, куда бы отпечатанные листки из пачки расположить поудачнее, поудобнее, срывая и отбрасывая за ненадобностью в мусор то, что безнадёжно устарело.

Но где, когда всё-таки? Я так и этак вертела в руках свой дорогуший Canon 5D Mark III. Естественно, так ничего и не вспомнила. Лариска тоже.

Я увеличила злополучную фотографию до размера 30x45 см. Не пошло. Лишь обострило мою паранойю. В конце концов непонятная одержимость настолько измучила меня, что по утрам, а иногда даже глубоко ночью я стала подниматься, включать свет и делать наброски. Они рождались из снов, дневных размышлений, каких-то глубинных воспоминаний. Потом я их складывала в отдельную папку и тут же засыпала. Когда папки стало уже некуда девать, всё внезапно прекратилось.

Однако спокойствия хватило только на неделю. Что дальше? Я развесила наброски поверх фотографий, где только можно, закрепила на мольберте подрамник с грунтованным итальянским холстом, подобрала масляные краски, кисти, мастихины, приготовила палитру.

Так, навскидку, вопросик: как вы думаете, можно ли написать портрет по фотографии? Тут же слышу дружный гул негодования в ответ. Когда меня пытаются убедить, что живопись уже не нужна, возможности фото шагают вперёд семимильными шагами, я лишь усмехаюсь в ответ: даже возражать не желаю. Это всё равно, как если бы умер театр из-за того, что кино появилось. Наберите соответствующий запрос в Интернете: «Хочу заказать...» Предложений найдёте море, но, уверяю вас, по-настоящему сотворить такое чудо не сможет никто. Даже передать чисто внешнее, физическое сходство, не говоря уже о том, чтобы глубоко проникнуть во внутренний мир человека.

Я и сама не знала, куда и зачем меня понесло. Любовь?

Не могу передать словами, что со мной происходило. Всё улетало в краски, выплёскивалось на холст: чувства, эмоции, порой восторг, когда

я открывала для себя что-то новое в технике письма; чаще отчаяние, что ту или иную деталь я просто не в состоянии прописать.

Наконец наваждение закончилось, добавить мне было уже нечего.

Лариса вздохнула с облегчением: две недели мы находились в простое, поток покупателей практически иссяк. Однако я была совершенно опустошена. Немаловажный вопрос для нас был в том, как быстро я сумею восстановиться. Ещё мы долго не могли придумать «новорождённому» хоть какое-то имя, пока Ларчику не пришло на ум совсем уж элементарное: «ИКС +».

В конце концов мы задвинули картину в самый дальний угол. Единственно, на чём я настаивала — на надписи «Не продаётся». Лариска долго спорила со мной. Мы давно уже решили этот вопрос: продаём всё, но за хорошую цену. Так мой отец всегда поступал: он картины свои либо просто дарил, либо продавал очень дорого. В итоге остановились на ярлыке: «Отложено. Готовится к выставке».

— Шухер! Тигрица! — Мы переговаривались с Ларчиком через наушники, чтобы не смущать визитёров. Нельзя сказать, что я сильно напряглась от неожиданного известия, но и радости особой не испытала.

За «начинку» я была спокойна: уже с неделю, как «моя милость» пришла в себя и пахла теперь, как проклятая. И всё-таки, чем обязана? Первая моя встреча с Гузелью Каримовной Ахтариевой, более известной в художественных кругах Москвы и Санкт-Петербурга как Тигрица, произошла при крайне неблагоприятных для меня обстоятельствах. Тогда ещё со мной не было Ларисы. Дела шли ни шатко ни валко, но висел в студии на видном месте портрет моего папочки, который я с него написала. Позировать отец не любил: постоянно находился в движении, ценил буквально каждое мгновение в жизни. Однако, когда бывал у меня в гостях, расслаблялся и разрешал любимой доченьке использовать себя как подопытного кролика. Хотя поставил условие: если портрет ему не понравится, я обязана буду его уничтожить. Оценить его он так и не успел. Зато его зацепил кто-то из агентов Гузели Каримовны, которая не замедлила тотчас явиться. Разговор был короткий — что-что, а убеждать Тигрица умела. Да и был ли у меня тогда хоть какой-нибудь другой выход? Потом она ещё несколько раз проskalывала, но так, больше по мелочам. И вдруг... Тигрица моментально отыскала портрет и тут же вернулась к Ларисе — знала порядок.

— Сколько?

Ларка даже не стала переспрашивать: «Сколько что?», всё и так было ясно. Она лишь показала на меня и сказала с простотой, достойной А. П. Чехова: «Не продаётся. Любовь!»

Тигрица встала передо мной, как Шерхан перед Маугли, раздув ноздри.

— Поговорим, Машенька? — коротко предложила она. Я кивнула, и мы отправились к картине.

Я сделала вид, что удивилась.

— Зачем вам эта мазня? С каких это пор Гузель Каримовну Ахтариеву стали интересовать портреты по фотографии?

— Машенька, не юродствуй, — усмехнулась Гузель. — Цену навиваешь? Ты же знаешь: я никогда не торгуюсь, но и сумму, которую раз назначила, тоже не меняю.

Она написала на ярлыке «Отложено» несколько цифр, от которых у меня глаза на лоб вылезли. Но я промолчала.

— По фотографии, говоришь? — усмехнулась Тигрица. — А как же натурщик? За версту уши торчат. Или наброски, к примеру? Похоже, ты их больше сотни сделала? Я уж не говорю про любовь. Хочешь со мной поссориться?

— Не продаётся! — упрямо ответила я, хотя понимала, что могу нажить сейчас такого врага, после которого мне в моём ремесле делать будет больше нечего.

Мамзель Гузель на минуту задумалась, затем холодно кивнула:

— Что ж, уважаю твои чувства.

Она подошла к Ларисе, что-то тихо шепнула ей, затем царственно удалилась.

Когда посетители разошлись, мы подвели итог.

— Что за секреты? — первым делом поинтересовалась я.

— Сказала, что любовь, конечно, святое чувство, но попросила, — а ты знаешь, как она «просит», — кроме неё картину никому не продавать, — вздохнула Лара. — Кстати, Масенька, драгоценная ты моя... Неужели нельзя было этого Неизвестного куда-нибудь подальше, в запасники убрать?

— А что толку? — пожалала я плечами. — Шпиёны Мамзели Гузели повсюду: и про натурщика она в курсе, и про наброски. Я же не на Марсе портрет этот писала. Так ну и что, по-твоему, нам теперь ожидать?

— Я думаю — новый мультсериал. «Маша и Тигрица» называется. Вот зрителей будет! Хоть отбавляй! — задумчиво проговорила Лара. — Ну, а если серьёзно, можешь ли ты хоть один случай припомнить, чтобы Тигрица от своего намерения отступилась?

Я упрямо промолчала. А что мне ещё оставалось делать?

Прогнозы моей подруженьки начали сбываться незамедлительно. Поток покупателей резко пошёл на убыль, цены покатались стремительно вниз.

Конечно, я не сдавалась, продолжала работать, но былой прыти уже не вытанцовывалось.

Ко всему прочему я ухитрилась смертельно разругаться с Лёсиком, в предельно грубой форме заявив ему, чтобы он навсегда убирался из моей жизни.

— Слушай, а он заплакал, — ошеломлённо проговорила Лариса. Но я-то знала, что тут слёзы гордости, а не сожаления, и мой «мил дружочек» никогда уже не вернётся обратно.

В дверях он столкнулся с Тигрицей. Та была поражена:

— Боже мой! Что это было, Машенька? Тайфун? Цунами? Так обидела парня!.. Кстати, насколько я поняла, это как раз и был тот твой загадочный икс-натурщик?

— Вот именно: «был», — холодно ответила я. — А произошло... Ничего особенного. Всего лишь развод и девичья фамилия. Навсегда.

— Понятно, — разочарованно протянула Гузель. — Жаль, конечно. Я к тебе как раз сегодня с очень интересным предложением пришла. Но, к моему великому сожалению, опять не ко времени. Ладно, ничего, — через пару дней снова загляну.

В дверях она неожиданно обернулась и спросила:

— Кстати, Машенька, солнышко, если уж так всё сложилось, ты, надеюсь, не будешь возражать, если я твоим мальчиком сегодня поужинаю?

— Да сколько угодно! — зло ответила я. — Можете им заодно даже ещё и позавтракать.

Два дня — так два дня. Тигрица на сей раз пришла не одна, а с молодым, фантастической красоты парнем, в котором мы с трудом узнали Лёсика. Он вежливо поздоровался с нами и уселся в своё любимое кресло. У нас с Ларкой глаза от изумления сделались круглыми. Чувствовалось, что стилист высочайшего класса поработал над ним: наш «мальчик» изменился, как по волшебству. Причёска, осанка, тряпки — последний шик!

Гузель позвала меня из глубины студии:

— Машенька, зайчик, ты не могла бы подойти ко мне?

Мы долго смотрели с ней друг на друга молча, стоя возле злополучного портрета. Наконец, Тигрица подвела итог:

— Ладно, быть по сему: за такой царский подарок, который ты мне сделала, я обнуляю все наши предыдущие недоразумения. У меня к тебе последнее предложение. Откажешься — дело твоё, мстить не стану. Будем считать, что победила... любовь. Так вот: ты не хочешь продавать свою картину, ну, а как насчёт обмена? Я получаю портрет бесплатно, а взамен привожу тебе твоего возлюбленного, по которому ты совершенно извелась в последнее время, как бычка на верёвочке. Подходит такой вариант?

Однако я была неумолима:

— Нет. Картина не продаётся и не отдаётся. Моё последнее слово.

Могла бы и подумать, конечно! Но папа и тут мне подсуропил: несмотря на свой добродушный характер, он был очень вспыльчив и постоянно со всеми ссорился. Мирился потом, но как раз «потом» у меня, в отличие от него, не было. Кто был он и кто есть я?

Лариса не стала дожидаться назревавшей между нами сцены. Она рассудила здраво:

— Прости, я не хочу вмешиваться в твои дела, Масяня, тем более — учить тебя жить. Но до славы тебе — как до вершины горы Джомолунгма. Всё, что тебе доступно пока — удача, известность, успех, а нет ничего более легковесного, призрачного. Ты буквально в мгновение ока потеряла то, что с таким трудом в последние полтора года наработала, а вот чтобы вернуть утраченное — понадобится как минимум вдвое больше времени. Тех денег, что ты сумела отложить, хватит ненадолго, и у меня нет никакого желания проедать их вместе с тобой. Поэтому я исчезаю. Пока ведь я тебе всё равно не нужна, а у меня такой груз на шее, что не позавидуешь. Я тебе ничего сокровенного о себе не рассказывала, но муж мой — редкостный кобель. Пугается и со стюардессами, и с пассажирками, — ну, а как устоять? Одна форма чего стоит! Я его, конечно, очень люблю, но прекрасно сознаю, что рано или поздно он уйдёт от меня, переметнётся к какой-нибудь молодухе. Мать постоянно болеет. Что касается бабушки — то её давно уже нет в живых. Я её так, для красного словца, упомянула. Зато есть трое детей, но это отдельная песня. Со стороны не поймёшь, надо хотя бы на недельку в наш дурдом заглянуть.

Однако во всех случаях, если понадобится, звони. Считаю, нам просто сказочно хорошо работалось вместе! Кстати, ты и без Тигрицы можешь своего любимого легко отыскать — есть полно ай-тишников, которые за хорошие деньги найдут его в любой части света.

После ухода Ларчика я забились в угол, где висел портрет, обложилась подушками и начала тихо выть. Как-то сразу вернулись все страхи моего детства, унижения молодости.

Любовь? Что я знаю о своём «герое»?

Он вполне может быть женат, да ещё вдобавок обвешан детьми.

У него есть постоянная девушка или даже невеста. Почему бы ему не оказаться таким же бабником, как муж Ларисы? Симпатяшка!

Творческие люди, как правило, особой верностью жёнам не отличаются. Был и с моим отцом случай: один раз он не на шутку влюбился, разговор даже зашёл о разводе. Помню, как несколько недель мы ходили как в воду опущенные, бессильные что-либо предпринять. Даже я, тогда совсем ещё малявка, ничего не понимавшая в отношениях между мужчиной и женщиной, постоянно пристраивалась где-нибудь в уголке и плакала.

Соперница мамина, к счастью, оказалась женщиной благородной и строить своё счастье на обломках чужого несчастья отказалась. Но случай запомнился, глубоко в душу запал.

Нарывавшись вволю и улёгшись спать, я наконец немного успокоилась.

«Боже, — подумала я, — но даже если он, мой принц, принц, принц, и свободен, то с чего я вдруг вообразила, что могу произвести на него хоть какое-то впечатление? Что, любовь в корне преобразила меня, и я больше не лягушка, а царица Лебедь? Столько лет на меня никто внимания не обращал, а тут неожиданно чудо произойдёт?»

Сколько я ни прикидывала в голове, шансов у меня не было никаких. И что тогда? Просто посмотреть на человека? Не слишком ли дорогое удовольствие? С тем я и уснула.

Утром я немного взбодрилась, позавтракала и принялась за работу. Как любила повторять моя обожаемая Коко Шанель: «Не забывайте, что если даже вы окажетесь на самом дне горя; если у вас не останется вообще ничего, ни одной живой души вокруг — у вас всегда есть дверь, в которую вы можете постучаться... Это работа!»

Однако мысли вновь не покидали меня: ну, допустим, всё-таки Чудо, Любовь? И что дальше? Я ведь женщина, а не мужчина: семья убьёт на корню мой не ахти какой уж талант. Лариска права: чтобы хоть как-то упрочить своё положение в нашем мире, мне нужно ещё пахать, пахать и пахать. Только с деньгами, хорошими, очень хорошими деньгами я смогу купить квартиру, нанять няню, кухарку. Сколько на это потребуется времени? Много, очень много. Быть может, не один десяток лет. Но другого варианта всё равно не предвидится.

И я снова хандрела, выла, пока наконец не взяла в руки смартфон и не набрала номер Тигрицы.

Переговоры об участии в выставке были вязкими: я так и не поняла, чего от меня хотят. Скорее всего, присутствия полотен моего отца, но у меня, как назло, ничего из них на тот момент не было в запасе. И что было делать?

Подойдя к дому, я испугалась, заметив, что в студии у меня горит свет. Может, забрались грабители? Тогда мне там лучше не появляться. Бог с ними, с деньгами, картинами, — жизнь дороже. Было два варианта дальнейших действий: либо вызвать полицию, либо позвонить в дверь, притворившись дурочкой. Но в подъезде стоять тоже было не самым лучшим выходом. Я всё-таки выбрала второй вариант. И вздохнула с облегчением.

Ну да, конечно... Лариска ведь не оставила ключи, когда уходила.

— Привет, — сказала она как ни в чём не бывало. — Жду-жду тебя... обычно по вечерам ты никуда не ходишь, дома сидишь.

— Сегодня просто задержалась, — ответила я. — Веду переговоры с одной галеристкой, но пока безрезультатно.

— Случайно не с Алёной Касторской? — уточнила Ларка.

— Да. А ты откуда знаешь? — удивилась я.

— Я много чего и кого за последние месяцы узнала, — усмехнулась Лариса. — Так получилось: всё то время после того, как мы расстались, я на Тигрицу работала. Да и до сих пор с ней. Многому у неё научилась. Я и сама хочу «на галеры», то бишь в галеристки, перейти. Гузель вроде бы обещала. Нашему сотрудничеству это нисколько не помешает, даже на пользу пойдёт. Так что считай, Касторская у тебя в кармане. Знаю, как ты жила всё это время, что портрет тот ты Тигрице продала, а не подарила. Но я не просто так пришла. Я тут прошлась по студии и много чего нового увидела. Даже в манере письма ты изменилась — стала жёстче, своеобразнее, уверенней в себе. Как насчёт того, чтобы нам снова поработать вместе?

Предложение было слишком неожиданным. Я неопределённо пожалала плечами.

— А ещё, — расплылась вдруг в улыбке Лара, — я приготовила тебе сюрприз: нашла твоего принца. Иди, знакомься. Он там, на кухне, сидит, чай пьёт.

— Поздноватенько, — вздохнула я и покачала головой. — Уже без надобности.

Лариса побледнела:

— Слушай, я, конечно, виновата, что сама, без согласования с тобой, проявила инициативу. Но я думала, ты обрадуешься... — Она некоторое время помолчала, видя полное безучастие на моём лице, затем чуть ли не расплакалась: — Господи, ну я и дура! На такие бабки теперь налетела.

Я не выдержала подобной перемены, переобулась и тихо сказала:

— Да не переживай ты так. Возьми деньги — ты знаешь, где они лежат, — и отдай людям, они же работали. И не обижайся: я просто очень устала сегодня. А насчёт сотрудничества не обольщайся. Вряд ли у нас с тобой что-нибудь получится. Я по-прежнему на мели. Буквально с хлеба на квас перебиваюсь.

Я слышала какие-то разговоры. Потом они затихли, хлопнула входная дверь, и я снова забилась в свой угол.

Ну что я за человек? Единственную подругу — и ту прогнала... А ведь она с чистым сердцем, по собственной воле пришла. Ни с кем я не уживаюсь. Мать меня как-то даже хотела психиатру показать, но отец строго-настрого запретил. У него и самого бывали в жизни нелёгкие моменты. Помнится, он как раз начал входить в фавор, и зависть его коллег, мнимых друзей, настолько зашкалила, что с ним даже здороваться перестали. К нам никто не ходил в гости, даже не звонили. Остались только два человека, которые подбадривали его, не оставляли в одиночестве. У меня сейчас не было ни одного.

Вдоволь наревевшись, я ощутила сильный голод и поплелась на кухню с очень малой надеждой, что в холодильнике хоть что-то окажется. Однако свет зажётся раньше, чем я потянулась к выключателю.

— Та-дам!!! — торжественно провозгласила Лариса. Оказывается, она никуда и не думала уходить.

Ещё на кухне спиной ко мне сидел какой-то парень. Наверное, как раз тот «дорогуший принц».

— Ну так что? Ты мне так и не ответила, — уточнила Ларка. — Мы снова вместе?

— Конечно, — тяжело вздохнула я. — Куда же мы друг от друга денемся?

Лариса поднялась со стула.

— Ладно, оставляю вас наедине. Разбежитесь вы или найдёте общий язык — ваше дело. Так что, завтра идём к Касторской?

— Без проблем, — улыбнулась я. — В любое время.

— И пусть эта сучка попробует нам отказать, — непонятно кому погрозила пальцем Ларка. — Проводишь меня?

— Естественно!

Уже в самых дверях, сгорая от нетерпения, она проговорила, заговорщицки понизив голос:

— Всё не терпелось сообщить тебе сумасшедшую новость: Лёсик и Тигрица вот-вот поженятся. Как она сказала мне про него: «Ты знаешь, он такой любовник!!!» Колись! Что-то я не припомню ничего подобного из вашей совместной с ним жизни.

Я ничего не ответила, лишь молча ухмыльнулась. Если у меня и оставались ещё какие-то сомнения в том, что у нас могло что-то получиться в личной жизни с Лёсиком, то теперь они исчезли без следа: любовник! Только казановы, на манер Ларискиного «летуна», мне и не хватало! Герой не моего романа!

Я не стала закрывать входную дверь на все замки, поплелась на кухню. Оставался последний штрих: от ещё одного, очередного, от Лёсика поскорее отделаться.

На том месте, где висел портрет моего отца, — фотография в рамке, — мой снимок, сделанный в Питере... Отец стоит на фоне любимой Петропавловки: высокий, худой, с коротко стриженными седыми усами и бородкой клинышком, с глазами серыми, как петербургское небо... Внешне я пошла не в него, но, может, когда-нибудь выправлюсь?